

Мы только начали беседовать, как вдруг из-за двери, словно резвые оленята, вбежали мальчик и девочка, а следом за ними вошла статная и очень красивая женщина.

— Позвольте представить вам мою супругу Айда, а это мои дети — Цзинцзин и Цзиншэн, — сияющей улыбкой представил их Ма Но. — Ну же, подходите скорее, поздоровайтесь с господином Чэном и господином Ли.

Дети были как на подбор — словно фарфоровые куколки, невероятно милые. Цзинцзин было около двенадцати, в её глазах светился острый ум, а десятилетний Цзиншэн еще сохранял детскую непосредственность. Послушно поприветствовав нас, они убежали играть к матери.

Наступили сумерки, зажглись огни, и мы — я, Чэн Янь и семья Ма Но — уселись за общий стол. За ужином не смолкали смех и оживленные беседы, комнату наполняла атмосфера уюта. Когда трапеза завершилась, Ма Но осторожно достал изысканную деревянную шкатулку и бережно поставил её перед нами.

— Мэнхуэй, у меня для тебя есть небольшой подарок, уверен, он тебе понравится, — Ма Но довольно улыбнулся, и в его глазах блеснул торжествующий огонек.

— Что там за сокровище? Скорее открывай, дай взглянуть! — оживился Чэн Янь и нетерпеливо подался вперед.

Ма Но медленно откинул крышку и извлек на свет миниатюрное ружье. Оно было выполнено столь искусно и оказалось таким крохотным и легким, что я никогда прежде не видел ничего подобного — носить такое с собой было одно удовольствие. Чэн Янь взял оружие в руки, внимательно осмотрел его и с изумлением произнес:

— Диковинная вещица! Только вот интересно, какова она в деле?

Ма Но достал из шкатулки небольшой полотняный мешочек с пулями. Аккуратно вынув одну, он терпеливо показал нам, как заряжать ружье, а затем протянул его Чэн Яню, предлагая попробовать. Чэн Янь пришел в восторг, как ребенок, его голос слегка дрожал:

— Дожил до седых волос, а такую диковинку вижу впервые. Даже не знаю, как с ней обращаться.

Ма Но встал, подошел к нему со спины, бережно обхватил его руку с ружьем и медленно поднял её.

— Смотри, — мягко сказал он, — целясь, совмещай мушку с прорезью прицела и целью. Все три точки должны выстроиться в одну линию. А теперь плавно нажми на курок.

Раздался оглушительный хлопок, и стоявший впереди глиняный горшок мгновенно разлетелся

вдребезги — осколки брызнули в разные стороны. Мы с Чэн Янем вытаращили глаза от изумления. Я про себя подумал: с таким оружием даже тот, кто не владеет боевыми искусствами, сможет в критический момент дать отпор врагу.

Глубокой ночью, когда шум стих, мир погрузился в безбрежную тишину. Я лежал на кровати в доме Ма Но, ворочаясь с боку на бок — мысли не давали уснуть. Заметив мое состояние, Чэн Янь поднялся, сел на край моей кровати и прошептал:

— Кто бы мог подумать, что в этой глуши скрывается настоящий земной рай, верно?

— Действительно, я поражен. Но меня гложет любопытство: почему эти иностранцы решили поселиться здесь, а не в шумном городе? — спросил я, не скрывая недоумения.

— Понимаешь, семь великих плаваний евнуха Саньбао стоили казне огромных денег. В каждой стране он щедро раздавал дары, тратя несметные богатства. Такое расточительство, хоть и преподносилось как демонстрация мощи и укрепление дружбы, на деле легло тяжким бременем на плечи народа. Недовольство росло. Поэтому после правления Юнлэ двор закрыл границы, и о морских походах больше не вспоминали. Порты и заставы перекрыли, торговля между странами пришла в упадок. Иностранным купцам не оставалось ничего иного, как уйти в тень, так и возник этот подпольный рынок, — терпеливо объяснил Чэн Янь.

— Вот оно что.

Я взглянул в окно: Айда и мать Ма Но сидели при тусклом свете лампы и в тишине занимались рукоделием. Дети, словно веселые пташки, возились у их ног, напевая какой-то незатейливый мотивчик. Охваченный любопытством, я спросил:

— А откуда родом жена Ма Но?

— О, это целая история. Однажды Ма Но отправился в порт Гуанчжоу за товаром и обнаружил в ящике девушку. Она проделала долгий путь по морю до самого нашего Минского государства. Говорила, что она из Сиама, пряталась в порту от войны и случайно забралась на корабль Ма Но. Найти её родных не удалось, и он привез её в Пекин, научил говорить по-китайски и оставил помогать матери по хозяйству. Айда была так благодарна ему за спасение, что со временем они сблизились и поженились, а потом у них пошли дети. Живут в Пекине уже больше десяти лет, — поведал Чэн Янь.

— Верно говорят: судьба связывает людей невидимой нитью. Даже через тысячи гор и рек она сведет тех, кому суждено быть вместе, — отозвался я.

— И это ты еще завидуешь чужому счастью? А кто это у нас втайне взял наложницу, да еще и ребенка завел? — Чэн Янь хитро прищурился и подмигнул мне.

— Кто... кто взял наложницу? Я перед Дэфан чист, клянусь небом! — я вспыхнул и принялся оправдываться.

— Ха-ха, не брал? А как же Цинь-эр? — Чэн Янь подался вперед, впившись в меня подозрительным взглядом.

Я опустил голову, чувствуя укол совести, и тяжело вздохнул:

— Сестрица Цинь... я перед ней виноват.

Слова Чэн Яня полоснули по самому больному. Мы с Дэфан были женаты уже пять лет, но детей у нас все не было. Отец, настаивая на продолжении рода, убедил Дэфан дать согласие на мою связь с Цинь-эр. Три года назад она родила мне старшую дочь Ли Ин.

— Цинь-эр нянчила меня и брата с малых лет, я всегда относился к ней как к старшей сестре. Но долг сыновней почтительности... пришлось обидеть её, — я чувствовал себя беспомощным, глаза предательски защипали.

— Мужчина несет ответственность за продолжение рода, наложницы — дело обычное. Ты поступил так из сыновнего долга, не стоит себя так винить, — Чэн Янь похлопал меня по плечу, пытаясь утешить.

— Эх, сына-то у меня до сих пор нет, задача не выполнена. Вот я и завидую тебе — ты рано обзавелся семьей и познал радость отцовства. Кстати, твоему Ванбао ведь скоро пять исполняется? — я попытался перевести тему.

Сына Чэн Яня звали Чэн Сюнь, а его детским прозвищем было Ванбао. Услышав мой вопрос, он внезапно притих, поднялся, не говоря ни слова, отошел к своей кровати, молча разулся и нырнул под одеяло.

Я опешил — только что ведь так хорошо беседовали, почему он вдруг переменялся в лице? Я повернулся к нему и обеспокоенно спросил:

— Мэнхуэй, что с тобой? Не хочешь больше говорить?

— Отдыхай, — сухо бросил он, закрыл глаза и больше не проронил ни слова.